

ЕВГЕНИЙ КУЗЬМИН

ПОЛЁТ НА ВЕНЕРУ

рассказ

Музыка объединяет, а единство обогащает, а богатство делает нас состоятельнее, а состоятельность – основа благосостояния, а единство блага и состояния – сродни преумноженному благу... – говорил серьёзно выпивший сосед по кофейному столику. Он ещё долго продолжал, но я быстро потерял нить его рассуждений, а с ней и интерес к оратору.

Я ушёл в кафе ради тишины, словно в пустыню, как древний искатель истины. Но от лени не убежишь. И бредёшь по пустыне, стараясь не всматриваться в надоевшие виды. Где же демоны, с которыми можно сразиться? Всё же я заглянул в конспект. Бывает такое, вроде и интересно, а мочи на это больше нет. Вот не хочется это зубрить. Какой-то кризис – стопор. Любая деталь там ясна и конечна, а хочется провала за границу обыденного, которое никак не охватить... и зачем же оно тогда нужно? Но душа просит. А здесь лишь будни. Экзамен. Нужно готовиться. К худшему. Однако, мысли имеют свойство формировать материю. Человек вполне способен при определённом образе жизни установить свою власть над элементами, над материей. Но трудно хранить верность такой организации своих действий. И непонятно почему. Вроде всё ясно, но хочется остушиться. Мечтается превыше всего на свете. Иногда лучше упасть в бездну, чем царствовать.

Так или иначе, дверь открылась и в облюбованное студентами исторического факультета кафе «Зосья» вместе с порывом свежести с заснеженной улицы вошёл человек, имеющий довольно типичный облик позднесоветского народного интеллигента, эрудированного... точнее даже, знающего всё в пределах стандартного круга чтения советского (включая и антисоветского) человека, умеющего ярко говорить неожиданные вещи, но без привычки фиксировать их на бумаге, – и зачем? Такие – украшение любого интерьера. Без претензии на должность, без карьерных амбиций. Ну и какие амбиции могут быть в данном месте в данное время?

Я ожидал какого-то яркого заявления, формально адресованного кому-то в противоположном конце зала, так чтобы все услышали и подивились мудрости этого человека, – какая-то очень уместная цитата из русской классики или из книги по античной философии. Но нет. Вошедший персонаж как-то внутренне сжался, сделавшись невидимым. Такое бывает. Человек способен скрыться без всякой шапки-невидимки. Так и работают всякие магические средства, делающими невидимыми, – человек не привлекает внимания. Совершенно. Люди смотрят сквозь него. Но я заметил этого человека в момент появления. От меня он не скрылся. Он, возможно, это почувствовал, – новый посетитель скользнул за мой столик на уже освобождённое оратором место, – тот заторопился по каким-то несомненно неотложным делам.

Между тем, человек сел и внимательно посмотрел на меня и с улыбкой заметил:

– Лень зубрить?

– Я тщетно надеялся, что здесь кафе, а не цирк и случайные собеседники не пытаются читать чужие мысли.

– О, ну что вы? Я не тщусь. Как можно прочесть то, чего нет?

– Это комплимент?

– Я не о вас... Мысли скользят, бегут, быстро сменяя друг друга. Как можно ухватить этот невнятный поток? И психоанализ – жёнадука, замена инквизиции. Слишком многим необходимо обоснование для приписывания человеку своих мыслей. А тут всегда допустимо врать про подсознательное или бессознательное, утверждать, что кто-то думает что-то такое, о чём сам и не догадывается, но где-то бесконечно глубоко. Это несомненная форма интеллектуального насилия.

– Любопытно, – я был возмущён и счастлив одновременно. Я за ночь прочёл работу Фрейда про фобии у пятилетних детей. К счастью, я достал заветную книгу в уродливом картоном переплёте. Все о ней только и говорили. И даже антропософы толковали сны «по Фрейду». То есть рассуждали о пустой чепухе, создавали словесную завесу, говорили о каких-то внутренних чувствах, бессознательном, неосознанных интенциях. О самом Фрейде тогда мало знали. Его успели прочитать не столь уж и многие. Между тем, первый вещий сон я увидел в далёком детстве. Мне привиделось, что я лажу с детьми по каким-то крышам. И действительно, на следующий день я лазил с этими самыми детьми по тем самым крышам. Потом я увлекался хождением по катакомбам. Но в ночь перед спуском всегда уже видел всё наперед. Так что слова собеседника меня обрадовали, – я всегда знал! И одновременно огорчили, – как можно! Фрейд – великий человек! Я сразу этого не понял, но потом осознал, что запрет советских властей на какого-то мыслителя был для меня как «знак качества», подтверждал несомненную значимость идей этого человека.

– Но я не об этом, есть вещь, которую я случайно узнал. Мне необходимо с кем-то поделиться. А вы всё равно пытаетесь уклониться от необходимого. Лучше уж послушайте историю.

И он поведал мне следующее.

Я приторговываю на книжном рынке. Но я не из тех, кто привозит банальную фантастику или детективы из Кишинёва. Я мотаюсь в Москву за разными любопытными вещичками. И дело не только в деньгах. Сами эти поездки... Да. В прежние времена я очень их любил. Я бы и сегодня съездил. Хотя теперь всё немного иначе, сложнее. Старый мир рушится. До основания. Хотя нет уже никаких оснований. Ни для чего. Останется ли в нашем мире что-то, кроме колбасы? Впрочем, и её будущее туманно. Останется ли в нашем мире что-то, кроме кукурузы? А в Москве собиралась интеллигенция, творческие люди со всего Советского Союза. Я бы даже сказал, лучшие представители интеллигенции, наиболее интересные творцы. Однажды я устроился дворником, – я был там единственным работником с незаконченным высшим образованием. Помню сменщика-академика... Так вот. Благодаря многочисленным полезным знакомствам я получил возможность доставать малотиражные книги для узкого служебного пользования, фактически секретные книги. Однажды, забирая печатную литературу такого рода, уже на излёте СССР, я разговорился со своим поставщиком, – имя и должность, разумеется, назвать не могу, – а он: «Не потерять бы космические наработки со всеми этими последними невнятными политическими преобразованиями...». Как так? У него неприятности на работе и в семье, а он норовит уйти в космос? Честный отважный человек так не должен поступать. Но кто я такой, чтобы его судить. И я заметил:

– Я бы и сам улетел на другую планету. Так все надоело... эх.

– А ведь до этого оставался всего один шаг.

– Да ладно. Это американцы шесть раз побывали на Луне. У нас же недобитые учёные – вымирающий вид.

– Ты ничего не знаешь. Пока американцы высаживались на Луне, Родина не дремала. Разведка всё передавала. Мы были в курсе всех вражеских технологий. Ты считаешь это воровством? Нет же! Речь о будущем всего человечества. Лишь кажется, что русские крали у американцев. На самом деле, человечество заимствовало у человечества ради общего блага. Невозможно ведь обворовать самого себя. Противостояние – это как спорт. Важно победить. А выигрывают все. И вот, ты ведь знаешь, что пока американцы летали на Луну и исследовали Марс, СССР сконцентрировался на Венере. Но помимо всем известной деятельности, существовала и сугубо засекреченная программа. Её тщательно скрывали, о ней не рапортовали в газетах, лишь узкий круг посвящённых втайне творил историю. Мы планировали освоить голубую планету, построить на ней военную базу, а может и отправить туда диссидентов под видом астронавтов, пусть там сражаются с тяжёлыми условиями, – их и развелось много, потому что нет настоящих тяжёлых дел. Да, американцы, кстати. Увлечённость Рейгана звёздными войнами неслучайна. В какой-то момент американцы всё разнохали и, поздно спохватившись, завертели, как ужи на сковородках.

Я принял. В самом деле, от собеседника пахло спиртом, но лишь слегка. Человек вызывал доверие, в целом. Старый интеллигент, выпускник МГУ, родственник одного видного старого большевика. Но какой бред! Впрочем... Только тот, кто думает, додумывается до всякой ерунды. Мир простых людей, я полагаю, рациональнее мира интеллектуалов. Такой, вот, парадокс. И сам человек, который, якобы, разумный... Не отставшая ли мы в развитии, слабоумная обезьяна. И уж точно не сопедшая с ума, как полагал Ницше. Человек – именно мартышка-имбецил. Обезьяны и вообще животные развиваются, взрослеют быстро, а человек медленно. Ибо туп. Но, несмотря на все эти мысли, я для приличия поинтересовался.

– И что ж, кого-то отправили на Венеру?

– Да, конечно! Понимаешь ли! Отправили двух мужчин и одну женщину. Возвращения не предполагалось. Это слишком сложно и дорого. А эксперимент и состоял в том, смогут ли советские люди выжить в условиях Венеры, эволюционируют ли, приспособятся ли их организмы. Разнополых людей отправили, дабы они могли размножаться, плодиться и заселять Венеру, то есть, пара – для размножения, а третий из органов, он должен был за ними приглядывать, чтобы всё было по правилам и без фокусов.

– И приспособились?

– Вот непонятно. Они слетали на Венеру. А тут умер Андропов и космонавты как-то сами что-то наладили у себя и сумели вернуться на Землю.

– А что ж они не рассказывают о своих приключениях?

– Один мужчина и одна женщина погибли при довольно странных обстоятельствах вскоре после возвращения на Землю. Второй же мужчина – парень из органов, который при них состоял. Его перевели к вам в Одессу. Скоро такие понадобятся родине.

– И я могу получить адресок?

– Знаешь, чёрт с ним, я напишу тебе адрес. Хотя на какую сделку с совестью иду! Я считаю, космос – это сегодня главное для человечества. Другое пусть останется в прошлом. Ради освоения других миров я готов пожертвовать всем.

И здесь повествование вдруг оборвалось. Мой собеседник в одесском кафе «Зося» пристально глядел на меня, создавая театральную паузу, – ах уж эта любовь к кривляниям простых завсегдатаев одесских кафе! Я же ждал смиренно продолжения. Пауза затягивалась. Я сдался первым, в какой-то момент не выдержал:

– Зачем же вы взяли адрес? Вы поверили в весь этот фантастический бред об освоении Венеры?

– Я не верил, но хотел верить. Лучше уж быть одураченным, чем привязаться к обыденности, к рутине.

– И что же? Вы нашли советского покорителя Венеры?

– Да. Нашёл. Нашёл!

– В Одессе?

– Да, он живёт возле Пересыпского моста, в довольно грязном дворе, в неопрятной маленькой квартирке на ул. Богатова.

– Он живёт один?

– Нет. С крысами и тараканами... Я долго откладывал визит. Смутился, кто я такой, чтобы общаться с покорителем космоса? А тут ещё и чекист. Кто знает, какие последствия для меня, – вы просто посмотрите на меня, – могла бы иметь подобная встреча! Но в какой-то момент любопытство перевесило всё. Я нашёл место, указанное знакомым. Звонки не работали – торчали перерезанные провода. Я робко постучал в дверь. Мне открыл давно не мытый, похожий на половую тряпку толстый тип в семейных трусах. Я с удивлением заинтересовался его именем, – это был он! Выяснилось, что он давно спился и не способен вспомнить полёта на Венеру. Самого факта не припоминает, не знает было или не было. Сегодня его почти исключительно беспокоят цены на водку и портвейн. А голова его давно не функционирует.

– Может, просто притворяется... Конспирация. Скрывается, прячется, так сказать, в дерьме, на болотах?

– Да уж. Хотя, не знаю. Но в голове вдруг блеснуло, он – воистину человек будущего. Но вполне и из прошлого. Традиция – это важно. И она сохранена.

– Без прошлого нет будущего. Конечно. Нет ничего хорошего в утрате преемственности.